

Исследование языка художественных произведений

Н.А. Аксарина, г. Тюмень

ЗЕВГМА В ПОЭЗИИ ЮРИЯ ВИЗБОРА

С точки зрения стилистики, зевгма – один из так называемых диссонантных художественных приемов (наряду с оксюмороном, аграмматизмом, антитезой, иронией и др.), основанных на семантическом или стилистическом несоответствии либо противоречии языковых единиц в пределах одной конструкции. Зевгма традиционно понимается как объединение в однородном ряду или в схожих с ним синтаксических конструкциях (БСП и ССП с перечислительными и др. отношениями) семантически несопоставимых, традиционно неоднородных в узуальном употреблении слов. В художественном и публицистическом тексте зевгма, подобно всем диссонантным приемам, служит для создания так называемого смыслопорождающего парадокса или выступает в качестве средства выражения комического эффекта.

В русской литературе активное освоение зевгмы началось лишь в эпоху «серебряного века», что, по всей видимости, обусловлено социальной и логико-культурной парадоксальностью как самой указанной эпохи, так и сознания нации. Парадоксальность же современной нам эпохи отражается в первую очередь в языке рок-поэзии и авторской песни. Поскольку специфика отбора и структурирования языковых художественных приемов является одной из важнейших характеристик идиостиля личности, можно, видимо, утверждать, что активное использование автором диссонантных приемов, в том числе зевгмы, свидетельствует о неортодоксальности или даже парадоксальности сознания художника, о его необычном восприятии и, следовательно, непривычном языковом отражении действительности.

В современной авторской песне, в силу особой социальности, массовости этого жанра, диссонантные приемы представляются одним из ярчайших средств отражения противоречивости нашего времени. Так, даже тексты Юрия Визбора – одного из самых, пожалуй, гармоничных отечественных бардов – изобилуют иронией, конструкциями, содержащими оксюмороны, зевгму и десемантизированные фразеологизмы. Поэтому изучение зевгмы в авторской песне можно признать актуальным для современной стилистики и семантики.

Как и любая фигура речи, зевгма в языке и в авторских текстах может быть рассмотрена в ряде аспектов:

в структурно-стилистическом аспекте, с точки зрения способов синтаксического оформления зевгмы (типов однородности – без союзов, с сочинительными, градационными, распределительными и т.д. союзами; типов сложных предложений – бессоюзных и сложно-

сочиненных; характера однородного или амплификационного ряда – открытого и закрытого);

в функциональном аспекте (как средство создания парадокса, комического эффекта, семантической нейтрализации противоречащих понятий и др.);

в структурно-семантическом аспекте, то есть с точки зрения семантического соответствия/несоответствия членов одного зевгматического ряда;

в собственно семантическом аспекте, с точки зрения имплицитности/эксплицитности несоответствий;

в собственно структурном аспекте (простые и контаминированные с другими приемами, расчлененные и нерасчлененные, двухчленные и многочленные зевгмы).

В данной работе мы намерены предложить одну из возможных структурно-семантических классификаций зевгмы в поэзии Юрия Визбора.

Следует отметить, что хотя одним из главных синтаксических признаков однородности является общность у ряда членов предложения синтаксической функции, а отнюдь не морфологической принадлежности, зевгматический однородный ряд всегда состоит из слов одной части речи. Поэтому в соответствии с морфологической природой компонентов зевгматической конструкции логичным представляется выделение субстантивных, адъективных, глагольных, нумеративных и адвербиальных зевгм. Кроме того, смысловое несоответствие членов зевгматической конструкции может быть выражено и на уровне грамматического значения, если объединяются слова одной части речи, но относящиеся к разным грамматическим разрядам, и на уровне лексического значения, если объединяются слова с общим грамматическим значением, но с различными архисемами, то есть относящиеся к разным тематическим группам. Следовательно, имеет смысл говорить о трех основных семантических типах зевгмы: грамматическом, лексическом и лексико-грамматическом (если несоответствия возникают на уровне лексико-грамматических сем, например, одушевленности/неодушевленности у конкретных существительных). В каждом из данных типов следует выделять субстантивный, адъективный и т.д. подтипы. Специфика несоответствия на уровне конкретных групп сем может быть отражена в выделении ряда классов в каждом подтипе. Попытаемся описать зевгмы в поэзии Ю. Визбора в соответствии с данной классификацией.

Грамматические зевгмы

Субстантивные зевгмы

Одним из наиболее распространенных классов субстантивных грамматических зевгм у Ю. Визбора является класс, построенный по модели «отвлеченное + конкретное существительное». Семантическое несоответствие при этом заключается в объединении явлений, несопоставимых с точки зрения способов познания и восприятия – внешними органами чувств

либо логико-психологическими инструментами. Например: *Забудется печаль и письма от кого-то, / На смену миражам приходят рубежи* («Работа», 1982). В данном случае отвлеченное существительное *печаль* объединяется в однородный ряд с конкретным, приобретающим во множественном числе семантический оттенок собирательности существительным *письма*. В зевгмах этого класса конкретное существительное нередко претерпевает метонимическую трансформацию, сохраняя, однако, в тексте семантику конкретности: *Не даст нам покоя ни память, ни ключ, / Бывавший в других мирах (...И вот старый дом открывает наш ключ*; «Ключ», 1980); *От хлопот тех осталось / Чемодан и рюкзак, / Книги, письма и жалость, / Что все вышло не так* («Я в долгу перед вами», 1978). В данных примерах конкретные существительные метонимически трансформируются, значение переносится с одной из функций предмета (например, *чемодан* и *рюкзак* – это то, что берут с собой в путешествие) на сам предмет (*чемодан* и *рюкзак* – это образы путешествия, его неотъемлемые части). Ярко выражена метонимическая трансформация конкретного существительного в следующем примере: *Ни мартовские льды, / Ни вечная жара, / Ни обелиски под звездой жестяной / Не оборвут следы к пылающим кострам...* («Следы», 1962). Здесь существительное *льды* употреблено в языковом метонимическом отвлеченном значении, существительное *жара* в тексте сохраняет языковую семантику отвлеченности, а значение конкретного существительного *obeliski* подвергается метонимическому переносу с предмета – смерти – на атрибут. Реже метонимически изменяется не конкретное, а отвлеченное существительное, оставаясь при этом отвлеченным: *Нас идет восемнадцать здоровых мужчин, / Забинтованных вьюгой, потертых судьбой, / Восемнадцать разлук, восемнадцать кручин, / Восемнадцать надежд на рассвет голубой* («Расвумчорр», 1961). Здесь все слова в зевгматическом ряду приобретают во множественном числе семантический оттенок собирательности, а значение отвлеченных существительных *разлука*, *кручина* и *надежда* переносится с предмета – носителя признака (*мужчин*) на сами признаки. Исходя из изложенного, можно сказать, что зевгма способна выступать в контаминации с другими приемами. В данном случае можно утверждать существование метонимической зевгмы.

Интересным представляется класс зевгм, образованных по модели «вещественное + отвлеченное существительное». Все зевгмы этого класса включены в глагольные метафоры: *И что-то совершается такое, / О чем я доложить не доложу, / Но что пропахло потом и тоскою* («Маркшйдер мне сказал», 1971); *Снег и печаль кругом / Кружатся в ноябре* («Солнце дрожит в воде», 1978).

Редки, но интересны с семантической точки зрения зевгмы, построенные по модели «конкретное + собирательное существительное»: *И ты уходишь – весело, легко: / Пустеет*

двор, пустеет мирозданье («О посмотри, какие облака...», 1966). В этом примере расчлененной зевгмы, построенной на основе бессоюзного предложения, мы наблюдаем нейтрализацию семантической дистанции между конкретным существительным, обозначающим единичный предмет (двор), и собирательным, обозначающим **ВСЕ** (мирозданье).

Часто встречаются многочленные зевгмы, построенные по модели «конкретное + отвлеченное + абстрактное существительное» (в любом порядке): *Единственный оставшийся с горячим карабином, / С короткой биографией, с великою судьбой* («Ванюша из Тюмени», 1970). Здесь *карабин* – конкретное существительное, *биография* – отвлеченное, *судьба* – абстрактное. Семантическое несоответствие усиливается за счет контаминации с антитезой: *короткая биография / великая судьба*, - и в то же время ослабляется скрытой апелляцией к фразеологизму: *с горячим карабином – с горячим сердцем*. Зевгмы этого класса могут быть сопряжены и с метафорой: *Кто-нибудь потом взглянется / В наши судьбы, в наши лица, / В ту военную страницу, / Что уходит за кормой* («Военные фотографии», 1979). Здесь *судьбы* – абстрактное существительное с собирательным оттенком, *лица* – конкретное с тем же оттенком, а именное метафорическое сочетание *военная страница* содержит грамматическую семантику отвлеченности и сопоставимо с номинациями *эпоха, этап, период*.

Отмечены примеры с парцеллированной зевгмой, построенной по модели «отвлеченное + собирательное + конкретное существительное» и контаминированной с метафорой: *Разреши идти с тобою / За звездой голубой. / И на рынок за хлебами, / И с корзиной за грибами* («Здравствуй, я вернулся», 1976). В данном случае слово *хлеба* имеет собирательную семантику (= *продукты*), *грибы* – конкретную с оттенком собирательной, а метафора *за звездой голубой* грамматически отождествляется с неметафорическим эквивалентом *за мечтой* и имеет отвлеченный характер.

Нередки в поэзии Ю. Визбора зевгмы, основанные на расчленении фразеологизма: *Разбила ногу ты / И сердце мне* («Веребочка», 1977); *Все, что было, мы не будем беречь, / Ведь за нами все мосты сожжены. / Все мосты, все перекрестки дорог, / Все прошептанные клятвы в ночи* («Осенние дожди», 1970). В данных примерах расчленение фразеологизма сопровождается метафоризацией. Однозначное выделение грамматических сем слов, составляющих зевгму на основе расчлененного фразеологизма и ранее входящих во фразеологизм (*сердце и мосты*), не представляется возможным, хотя различие в грамматической семантике даже в этих двух примерах ощутимо.

Адъективные грамматические зевгмы

В текстах Ю. Визбора встретился только один класс адъективных грамматических зевгм – зевгмы, построенные по модели «относительное + качественное прилагательное»: *И*

в час полуночный и странный / Не прячь от звезд свое лицо («Полярное кольцо», 1968). Здесь несоответствие семантики относительного прилагательного *полуночный* и качественного *странный* отчасти нейтрализуется бытийным и фольклорно-мифологическим интертекстом (полночь – странное время). Зевгмы, образованные по этой модели, могут быть сопряжены с аграмматизмом в силу отсутствия у качественных прилагательных в начальной форме (не в степени сравнения) выделительной грамматической семантики: *Есть важный и последний из этапов - / Этап прикосновения к земле* («Прикосновение к земле», 1981). Так, в данном примере качественное прилагательное *важный*, стоящее в начальной форме, не имеет выделительных сем и не допускает в языке сочетания с предлогом *из*: *важный из этапов*. *Последний* в данном контексте выступает как относительное прилагательное с имплицитной нумеративной семантикой.

Адвербиальные грамматические зевгмы

Всего один пример адвербиальной грамматической зевгмы отмечен в поэзии Визбора: *Когда в пустых лесах / Негромко и случайно / Из дальнего окна / Доносится рояль* («Апрельская прогулка», 1978). Семантический диссонанс обусловлен различием в грамматической принадлежности наречий: *негромко* – качественное, *случайно* – обстоятельственное.

Глагольных и нумеративных зевгм в текстах Визбора не обнаружено.

Лексические зевгмы

Субстантивные лексические зевгмы

Среди лексических зевгм, как и среди грамматических, в творчестве Визбора преобладают субстантивные. Особенно ярко семантическое несоответствие проявляется в зевгмах, построенных по модели «конкретное + конкретное существительное»: *Ты просто парень из тайги - / Один винчестер, две ноги* («Хамар-Дабан», 1962). В данном примере существительные *винчестер* и *нога* имеют несовместимые архисемы и потому не могут входить в одну тематическую группу: «внешний атрибут» и «органически присущий атрибут». Кроме того, *винчестер* – атрибут факультативный, а *нога* – обязательный. Аналогичный пример: *По навильонам постановщики стучат / И строят лестницы, дворцы, материки* («Над киностудией свирепствует зима», 1966). Здесь несоответствие возникает на уровне семантики рукотворности / нерукотворности и усиливается за счет градации: *лестницы* – рукотворная часть рукотворного элемента ландшафта, *дворцы* – рукотворный (урбанистический) элемент ландшафта, *материки* – нерукотворный (природный) элемент ландшафта, который не может быть создан человеком, - однако его тоже «строят». Расчлененные зевгмы этого класса часто сопряжены с амплификацией: *Ты приезжай, пока еще не поздно! / Пока луна как острие ножа, / Пока ледок на лужах утром тает, / Пока земля туманами свежа, / Пока к нам верто-*

леты прилетают («Не провожай меня», 1970). В данном примере семантическое несоответствие возникает из столкновения признаков романтического (луна, ледок, земля) и прагматического (вертолеты), заключенных не в самих указанных существительных, а в целом в конструкциях – членах амплификационного ряда.

Любимые автором зевгмы построены по модели «отвлеченное + отвлеченное существительное»: *И будто бы ни пуха ни пера / От старых дней и от моих привычек* («Не провожай меня», 1970). В данном примере существительное *привычка* имеет архисему *свойство*, а фразеологическое сочетание *старые дни*, носящее отвлеченный характер в соответствии с морфологической природой эквивалента *прошлое*, - архисему *время*. Зевгмы, построенные по этой модели, могут быть сопряжены с метафорой: *Когда от потрясения и тьмы / Очнешься, чтоб утрату подытожить, / То кажется, что жизнь ты взял взаймы* («Памяти ушедших», 1978). В этом контексте существительное *потрясение* с архисемой *состояние* семантически несопоставимо в языке, но нейтрализуется у Визбора с существительным *тьма* (архисема – *отсутствие света*) за счет актуализации в результате метафорического переноса негативной оценочной семантики. Также зевгмы этого класса могут контаминироваться с парадоксом, носящим интертекстуальный характер: *У подводника – гитара / И ракет большой запас* («Я иду на ледоколе», 1967). В этом контексте собирательная семантика существительного *запас* не актуализируется, важным становится лишь семантическое несоответствие *гитара* / *ракеты*. Данные слова утрачивают в тексте конкретный характер вследствие метонимического переноса с предмета на атрибут и устойчивой в узусе символической трактовки: *гитара* – *творчество – созидание* / *ракеты* – *оружие – разрушение* (существительные *созидание* и *разрушение* – отвлеченные).

Интересны, хотя и очень немногочисленны, зевгмы, построенные по модели «абстрактное + абстрактное существительное»: *Вот и вся моя программа - / Не комедия, не драма, / А сплошные снегопады - / Подмосковная зима* («Подмосковная зима», 1963). Здесь зевгма сопряжена с антитезой, а слово *снегопады* приобретает абстрактную семантику, так как обозначает мировоззренческую категорию. Аналогичный пример: *А я не сплю. Благодаря / Свою судьбу за эту муку, / За то, что жизнь я подарю / Ночным полетам и разлукам* («Ночной полет», 1965). В этом контексте существительные *полет* и *разлука* подвергаются метафорической трансформации и также обозначают мировоззренческие категории. Эта семантика усиливается апелляцией к тексту Экзюпери, а несоответствие возникает на уровне оценочности.

Адъективные лексические зевгмы

Для поэзии Ю. Визбора характерны многочисленные адъективные лексические зевгмы,

построенные по модели «качественное + качественное прилагательное»: *Мы не бросим и осень, не бросим и топких и снежных, / Голубых, нескончаемых, вечно любимых дорог* («Якоря не бросать», 1963). Все прилагательные в этой зевгме входят в разные ТГ и имеют разные архисемы: *топкие* и *снежные* – архисему *свойство*, *голубые* – *цвет* и, в переносном значении, *отношение*, *нескончаемые* – *способ существования*, *любимые* – *отношение*. Аналогичный пример: *Лишь бы я возвращался, знаменитый и старый, / Лишь бы доски причала, проходя, прогибал* («Я когда-то состарюсь», 1979). Здесь прилагательное *знаменитый* имеет архисему *статус*, а *старый* – архисему *возраст*, но эти архисемы, казалось бы, узуально вполне сопоставимые в конструкции изъявительного наклонения, несопоставимы, в силу противоположной в языке и сопутствующей архисемам оценочности, в конструкции с наклонением желательным: *Лишь бы я...* (быть знаменитым – хорошо, старым – плохо).

Субстантивные лексико-грамматические зевгмы

Это особый тип зевгм, исключительно субстантивных, построенных на диссонансе семантики одушевленности / неодушевленности, входящей в равной мере и в лексическое, и в грамматическое значение слова. Все эти зевгмы строятся по модели «одушевленное + неодушевленное существительное»: *И, надеясь на старого друга и горные лыжи, / Я пока пребываю на этой пустынной земле* (). Примыкают к ним зевгмы, построенные по модели «личное местоимение + неодушевленное существительное»: *Катятся по тропе / Я и велосипед* («Велосипед», 1970). Диссонанс в зевгмах такого типа обусловлен не только эксплицитной семантикой одушевленности и неодушевленности, но и огромным количеством потенциальных имплицитных смыслов, выражаемых всей совокупностью слов, входящих в семантические поля одушевленное и неодушевленное и связанных с обозначением одноименных мировоззренческих категорий. В силу этого возможны прямо противоположные толкования этих зевгм: либо одушевляется неживой объект (*лыжи, велосипед*), либо опредмечивается живой (*я*).

Всего в 261 тексте Ю. Визбора выявлено 49 зевгм, что составляет почти одну пятую часть текстов с зевгмой от общего количества текстов. Следовательно, можно утверждать, что зевгма является одним из наиболее ярких свойств идиостиля поэта.
